

ДИСКУРСОЛОГИЯ DISCOURSE STUDIES

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-1-9-28

EDN: GXYLEO

УДК 070:811.161.1(680)

Научная статья / Research article

Образ России в медиадискурсе ЮАР: фреймы и метафоры

О.А. Солопова , Н.Н. Кошкарлова

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

 o-solopova@bk.ru

Аннотация. Международное сотрудничество со странами БРИКС является одним из приоритетных направлений внешней политики России. Актуальность исследования связана с необходимостью понимания особенностей восприятия образа России и механизмов его формирования в медиадискурсе стран-участниц альянса. Цель исследования — выявить специфику репрезентации образа России в южноафриканском медиадискурсе (2011–2024). Источником материала выступил корпус NOW (News on the Web), на основе которого сформирован виртуальный подкорпус, включающий 1000 статей на английском языке, опубликованных в ведущих изданиях Южной Африки. Для составления списков частотности, выявления N-gram, коллокаций и тематических кластеров использованы инструменты корпусной и компьютерной лингвистики: корпусный менеджер NOW и программно-аналитический комплекс «Концептоскоп». Для содержательной интерпретации данных привлекаются фреймовый анализ, метод метафорического моделирования и когнитивно-дискурсивный анализ. Результаты исследования показывают, что образ России в южноафриканском дискурсе конструируется опосредованно: через репрезентацию образа другой страны и межгосударственных взаимоотношений. Доминантными для моделирования образа России являются диагностический фрейм «партнерство» и прогностические субфреймы «прогресс» и «деградация». Для фрейма «партнерство» характерно использование лексических единиц со значениями сотрудничества, лексем совместности, метафор сферы-источника «взаимоотношения». Для прогностического субфрейма «прогресс» типичны лексические единицы с семантикой расширения, повышения, углубления и метафоры пути. Прогностический субфрейм «деградация» реализуется за счет метафор с отрицательным прагматическим потенциалом. Прикладная значимость исследования состоит в уточнении критериев идентификации фреймов с помощью инструментов корпусной и компьютерной лингвистики, в развитии теории дискурса за счет привлечения материала Южно-Африканской Республики.

© Солопова О.А. Кошкарлова Н.Н., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: БРИКС, медиадискурс, Южная Африка, репрезентация образа России

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049>

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 07.08.2024; дата приема в печать: 12.11.2024.

Для цитирования: Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Образ России в медиадискурсе ЮАР: фреймы и метафоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 1. С. 9–28. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-9-28>

The Image of Russia in South Africa Media Discourse: Frames and Metaphors

Olga A. Solopova , Natalia N. Koshkarova

South Ural State University, *Chelyabinsk, Russian Federation*

 o-solopova@bk.ru

Abstract. Inter-BRICS cooperation is one of the priorities of Russian foreign policy. This indicates a need to understand perceptions of Russia’s image construal and mechanisms of its formation in BRICS’ media discourses. The study seeks to identify the peculiarities of Russia’s image construal in South African media discourse (2011–2024). The source of the material was the NOW corpus (News on the Web) that allowed for creating a virtual sub-corpus. The latter included 1000 articles in English, published in major South African newspapers. Corpus and computer linguistics techniques were used to get frequency lists, find N-grams, collocations and thematic clusters: the NOW corpus manager and the Conceptscope software analytical complex. The frame, metaphorical modeling, cognitive and discourse methods were used to qualitatively analyze the data. The findings suggest that the image of Russia is framed indirectly in South African discourse: through other countries’ images and interstate relations. The diagnostic frame “partnership” and two prognostic subframes “progress” and “degradation” are dominant in structuring Russia’s image construal. The frame “partnership” is actualized by lexemes with the semantics of cooperation, jointness, and metaphors of “relationship”. The prognostic subframe “progress” is manifest in the use of lexemes with the semantics of expansion, increase, deepening, and “path” metaphors. The prognostic subframe “degradation” is textualized through metaphors with negative connotations. The findings have important implications for clarifying the criteria of frame identification, relying on corpus-based and computational tools, developing discourse theory by introducing the data of South African media discourse.

Keywords: BRICS, media discourse, South Africa, representation of the image of Russia

Authors’ contribution: the authors contributed equally to this research and preparation of the article text.

Funding: research is financially supported by Russian Science Foundation № 24-18-00049, <http://rscf.ru/project/24-18-00049>

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 07.08.2024; accepted: 12.11.2024.

For citation: Solopova, O.A., & Koshkarova, N.N. (2025). The Image of Russia in South Africa Media Discourse: Frames and Metaphors. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(1), 9–28. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-1-9-28>

Введение

БРИКС относится к числу тех неформальных объединений государств, которые в условиях трансформации геополитической ситуации в мире предоставляют возможность для открытого диалога по вопросам межгосударственного сотрудничества, оптимизации внутри- и внешнеполитической деятельности, повышения международного престижа страны. Межгосударственное объединение БРИКС было основано в 2006 г. и называлось тогда БРИК, а Южная Африка стала его полноправным членом в 2011 г. Для ЮАР членство в таком сетевом формате — это не только и не столько задача усиления экономического роста, сколько возможность реализации амбициозных политических целей, среди которых закрепление статуса «регионального лидера и представителя интересов стран Африки на международной арене в интересах создания более благоприятных условий для развития всех стран региона» [1. С. 92]. Такая задача была впоследствии успешно решена, когда в 2024 г. к БРИКС присоединилось еще два африканских государства — Египет и Эфиопия.

На потенциал БРИКС в деле усиления взаимодействия стран-участниц межгосударственного объединения указал премьер-министр России М.В. Мишустин в своем выступлении на главной стратегической сессии XIV промышленной выставки «Иннопром» (г. Екатеринбург, 8–11 июля 2024 г.), подчеркнув, что одним из направлений деятельности нашей страны является «развитие кооперации с государствами, входящими в БРИКС», и что государства будут «выстраивать общие планы с учетом растущего потенциала» государственных экономик. Сказанное будет верным и о двустороннем сотрудничестве России и Южной Африки. В настоящее время формируется новый африканский вектор российской внешней политики с учетом общей геополитической парадигмы. Следовательно, представляется важным изучение тех механизмов, которые формируют и транслируют образ страны в иноязычном масс-медийном дискурсе.

Лингвистический анализ репрезентации образа России в южноафриканском медиадискурсе способствует решению нескольких задач. Во-первых, изыскания подобного рода проводятся с учетом широкого экстралингвистического контекста, что способствует корректному пониманию истории взаимоотношения двух государств. Во-вторых, решается важная социальная задача демифологизации и избавления от стереотипов и предрассудков в отношении другой культуры. В-третьих, такие исследования важны и в деле повышения эффективности дипломатических отношений

двух стран. Наконец, изучение масс-медийного образа России в южноафриканских СМИ заполняет лауну, существующую в современной науке о языке, когда имагологические описания сосредоточены на западных (США, Великобритания, Франция и др.) и восточных (Китай, Вьетнам, Монголия и др.) дискурсах, а Южная Африка в этом отношении пока остается terra incognita для российских исследователей языка и рядовых пользователей.

Восприятие России в мире: три оси имагологических координат

Образ России неоднократно находился в фокусе лингвистических эмпирик. При этом необходимо отметить, что если в современных имагологических исследованиях понятие *образ* трактуется в контексте чужой культуры, то на заре становления имагологии как научной дисциплины образ(ы) изучался(-ись) как представленный(ые) в большом искусстве, зданиях, фресках родной культуры (об этом см., например, [2]). В дальнейшем культурная составляющая имагологических наблюдений стала все более превалировать при изучении образа, что нашло отражение в дефиниции указанного научного направления: «имагология как дисциплина является разновидностью культурно-общественного сознания, особой и коренной формой миропознания, т. е. специфическим и базовым видом культуротворчества» [3. С. 12]. Культурная детерминированность имагологических исследований была и остается имманентной составляющей всех исследований, проводимых в указанной сфере. Но при этом усложняется и совершенствуется теоретико-методологический инструментарий имагологии, которая расширяет источниковую базу для изучения образа «другого», что способствует возникновению новых междисциплинарных направлений: «филологическая имагология, культурологическая имагология, историческая имагология, психологическая имагология, лингводидактическая имагология и т.д.» [4. С. 10]. В настоящее время ученые обращаются к анализу когнитивных механизмов создания языкового и текстового образа [5]. Такое широкое исследовательское поле имагологии актуализирует ценностную составляющую образа, которая варьируется в зависимости от аксиологических приоритетов той культуры, в которой функционирует имагологическая репрезентация страны.

В.С. Буянов указывает на цивилизационно-ментальные отличия России и Запада, Востока, Европы и Азии [6]. Действительно, Россия — это уникальное государство-цивилизация, которая развивается по своему пути, отличному от восточной или западной цивилизации. Такая самобытность России и российской культуры способствует тому, что образ нашей страны в иноязычных дискурсах будет конструироваться и интерпретироваться на фоне широкого историко-культурного и геополитического контекста.

Лингвисты неоднократно обращались к изучению образа России, а проведенные исследования условно можно разделить на три группы согласно трехмерному пространству, в котором происходит самоидентификация нашей страны. Первую группу составляют труды, в которых анализируется репрезентация образа России в славянских странах. Так, например, М.С. Ващенко обращается к изучению публицистики хорватского общественно-политического деятеля Анте Старчевича [7]. Т. Дрознина и И. Мавродиева описывают репрезентацию образа России в средствах массовой информации Болгарии [8]. З. Кунич, Н. Панасенко и В.Л. Музыкант в качестве материала для изучения имиджа России используют медиаплатформы Сербии [9]. Следует отметить, что подобные исследования не столь многочисленны. Возможно, это объясняется общностью исторических корней и культур России и других славянских стран, что делает дискурс славянских стран о России более гармоничным в противовес западному нарративу, отражающему главную черту политической коммуникации, — противостояние и антагонизм.

Во вторую группу имагологических исследований как раз и входят труды отечественных ученых, посвященные анализу репрезентации образа России в дискурсе западного мира: Франции [10], Великобритании [11], Испании [12], Германии [13], США [14]. В указанных работах авторы обращаются к изучению метафорического образа России в контексте политических событий, подвергают тщательному анализу стереотипы о России и других странах в диахронии и синхронии, указывают на дискретный характер образа России в зарубежной прессе, рассматривают отдельные типы метафор в трансформации представлений о нашей стране. Обратим внимание на то, что в данной группе работ указаны лишь труды отечественных лингвистов, так как западные ученые в своих исследованиях образа России не всегда свободны от идеологических и геополитических предрассудков.

Наконец, третья группа работ ученых из России и дружественных государств представлена анализом образа нашей страны в восточном дискурсе: Китая [15–17], Индии [18], Сирии [19], Вьетнама [20], Монголии [21], Республики Корея [22]. При изучении образа России в этих странах исследователи не только обращаются к современному этапу репрезентации образа нашей страны, но и привлекают к анализу широкий исторический контекст, что является важным для понимания трансформации этого образа в контексте исторических перемен и процессов модернизации в указанных государствах. Важно отметить, что исследователи в качестве материала для анализа не только используют средства массовой информации, но и анализируют то, как реконструируется образ России в обыденном языковом сознании, что является еще одним надежным и валидным инструментом имагологических исследований.

Как видно из приведенного анализа и как уже указывалось выше, образ России пока не изучался в южноафриканском медиадискурсе, а исследования

подобного рода являются востребованными и актуальными на современном этапе международного развития. Актуальность обусловлена рядом причин, среди которых крепкие политические и дипломатические отношения РФ и ЮАР (в том числе и в рамках БРИКС); развитый характер южноафриканского медиаландшафта; способность СМИ не только отражать, но и формировать информационную повестку дня.

Материал и методы исследования, предварительные результаты

Источником материала для исследования послужил корпус NOW (News on the Web).¹ Для формирования иллюстративного подкорпуса в поисковом менеджере были заданы следующие параметры: ключевое слово — Russia (Россия), страна — Южная Африка (South Africa), период — 2011–2024. Нижняя граница хронологических рамок совпадает с годом включения Южно-Африканской Республики в объединение БРИКС. Выборка составляет 11750 статей, опубликованных в ведущих изданиях Южной Африки: African Brains, Cape Talk, Daily Maverick, Dispatch Live, Independent online, IOL, South Africa.info, Mail & Guardian, Rand Daily Mail, R News, Times Live и др.

На следующем этапе на платформе корпуса NOW сформирован виртуальный подкорпус, в который включены первые 1000 текстов (553617 слов), отсортированных по релевантности (рис. 1).

RUSSIA (SOUTH AFRICA) (RENAME) DELETE ADD TO MOVE TO --SELECT-- (SEE ALL VIRTUAL CORPORA) SHARE LIST ?					
HELP	1000	DATE	COUNTRY	WEBSITE	TITLE
1	☐	10-05-04	South Africa	South Africa.info	Russian investment bank expands in SA
2	☐	11-07-24	South Africa	Times LIVE	Russian tennis star Maria Sharapova arrives at the...
3	☐	11-08-25	South Africa	Times LIVE	Metro: Last Light shows Russian underground
4	☐	11-10-09	South Africa	University World News	RUSSIA: Modernising the higher education system
5	☐	11-12-17	South Africa	Independent Online	Playboy playmate becomes Russian MP
6	☐	12-02-27	South Africa	Independent Online	Asteroid heading for Earth? Russia's got it covered....
7	☐	12-02-28	South Africa	Independent Online	Marussia F1 car fails crash test
8	☐	12-03-02	South Africa	Independent Online	'Russian' linked to extortion racket
9	☐	12-03-02	South Africa	Independent Online	Russian a danger to society, court told
10	☐	12-03-09	South Africa	Independent Online	Burger 'has ties to the Russian'

Рис. 1. Фрагмент виртуального подкорпуса (NOW)
Источник: составлено О.А. Солоповой и Н.Н. Кошкаровой.

Fig. 1. Fragment of virtual subcorpus (NOW)
Source: compiled by Olga A. Solopova, Natalia N. Koshkarova.

Опции специализированной поисковой системы, которой оснащен корпус NOW для обработки материала, в настоящее время не доступны российскому пользователю в полном объеме; в настоящий момент доступные для российского пользователя инструменты включают только списки частотности

¹ NOW (News on the Web) [Electronic resource]. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 08.05.2024).

(существительных, глаголов, прилагательных, наречий и др.), которые компилируются для созданного виртуального подкорпуса. Поэтому на следующем этапе для фиксации N-gram, коллокаций, тематических кластеров и анализа собранного массива данных привлечен программно-аналитический комплекс «Концептоскоп» (рис. 2), базирующийся на графовой нейросети «Graph SVO Model» [24].

	Russia		development bank	russia	south africa	109
	0	1	new development	russia	brazil russia	63
south	1.558		new global	russia	russia india	59
africa	1.381		global players	russia	india china	54
brics	0.824		new ways	russia	china south	45
russia	0.686		south african	russia	brics brazil	42
countries	0.529		russia india	russia	russia china	13
china	0.478		india china	russia	nuclear deal	13
zuma	0.45		brazil russia	russia	brics summit	11
new	0.45		new ways	russia	development bank	11
country	0.442					
india	0.43					

Рис. 2. Фрагменты списка частотности, коллокаций, кластеров (Концептоскоп)
 Источник: составлено О.А. Солоповой и Н.Н. Кошкаровой.

Fig. 2. Fragment of the frequency, collocations and cluster lists (Conceptoscope)
 Source: compiled by Olga A. Solopova, Natalia N. Koshkarova.

Разработчики программного обеспечения [23; 24] указывают, что конструирование «семантического ядра дискурсивного поля» основано на грамматике зависимостей [25] и теории ядерных синтаксических структур [26]. Результатирующей процедурой данного программно-аналитического комплекса является графовая визуализация тематических кластеров и характера распределения тематик «дискурсивного поля» Russia (рис. 3).

С помощью программы визуализации данных Gephi² данные иллюстративного корпуса представлены в виде ориентированных графов, анализ которых позволяет выявить в дискурсивном поле Russia семантические ядра, определить доминирующие тематики и семантические роли акторов. Градация цветовой гаммы — от темной к более светлой — указывает на центральные (например, Africa, Russia, BRICS и др.) и периферийные (например, Putin, Modi, Jingping, developing и др.) узлы / семантические ядра и связи дискурсивного поля. Инструменты графического приложения Gephi позволяют выявить те структурные закономерности, которые остаются скрытыми от исследователя; визуальное представление дискурсивных полей — это удобный и надежный инструмент получения достоверных сведений, которые затем подвергаются лингвистической интерпретации и анализу (рис. 3).

² The Open Graph Viz Platform [Electronic resource]. Режим доступа: <https://www.gephi.org> (дата обращения: 21.05.2024).

фреймы устанавливают причинно-следственные связи и позволяют обозначить тот круг социально-политических вопросов, которые нуждаются в тщательном изучении и описании с точки зрения различных научных направлений. При анализе таких фреймов исследователь помещает рассматриваемое явление в широкий экстрадискурсивный контекст для выявления следующих факторов: генезис ситуации, участники описываемых событий, потенциал и ресурсы внутренних и внешних акторов в контексте изучаемых процессов. Такой анализ предоставляет ученому возможность транслировать положения теории фреймов на описание реальных событий текущего момента. Репрезентация событий в этом типе фреймов осуществляется при помощи широкого арсенала языковых средств: лексических, синтаксических, риторических и др.

Прогностические фреймы связаны с перспективами развития ситуации, возможного решения текущих проблем, поднятых в СМИ, и находятся в тесной взаимосвязи с целеполаганием и планированием. По сути, они выступают продолжением тенденций, обусловленных прошлым и существующих в настоящем, поэтому демаркационная линия между диагностическим и прогностическим фреймами весьма условна. К маркерам прогностического фрейма можно отнести собственно языковые (лексические, грамматические, лексико-грамматические), контекстуальные и концептуальные средства передачи значения будущего. Ключевыми компонентами во фрейме данного типа выступают прогнозные оценки последствий тех или иных шагов, намечаемых политическими партиями или правительством, как правило, представленные в редуцированном виде двумя «предельными» альтернативами: мелиоративной и пейоративной. В ходе анализа выявлены диагностические фреймы: «партнерство», «новшество», «российско-украинский конфликт» и прогностические фреймы: «прогресс» и «деградация».

Для изучения метафорических единиц, активизирующих тот или иной фрейм, помимо выявленных частотных лексем, коллокаций и тематических кластеров, используется метод метафорического моделирования [33–35], предполагающий рассмотрение сферы-источника, сферы-мишени метафоризации, смыслов, продуцируемых метафорами, их прагматического потенциала.

Метафоры позволяют соотнести образы, функционирующие в пространстве иноязычных СМИ, с уже известными целевой аудитории реалиями, что усиливает перлокутивный эффект продуцируемого журналистами контента. Когнитивно-дискурсивный анализ привлекается для объяснения связей лингвистических явлений, выявленных на всех уровнях анализа, с экстрадискурсивными факторами: культурным, политическим, историческим контекстом. Опора на историко-культурный макро- и микроконтекст дает исследователю возможность редуцировать стереотипный

компонент при восприятии той или иной страны в иноязычным дискурсе и сосредоточиться на анализе текстовой актуализации создаваемого и транслируемого образа. В следующем разделе представлено обсуждение результатов анализа диагностического фрейма «партнерство», доминантного для медиадискурса ЮАР о России, и двух прогностических субфреймов, которые реализуются в его рамках.

Обсуждение

Самым частотным фреймом, в рамках которого читателю подается информация о России в медиадискурсе ЮАР, выступает фрейм «партнерство», который актуализируют лексические единицы и сочетания со значениями сотрудничества, взаимопомощи, совместной деятельности и равенства сторон, что выявлено на этапах анализа списков частотности, коллокаций и тематических кластеров: *BRICS partners* ‘партнеры по БРИКС’, *BRICS friends* ‘друзья’, *BRICS buddies* ‘друзья по БРИКС’, *fellow countries* ‘братские страны’, *BRICS cooperation* ‘сотрудничество БРИКС’, *intra-BRICS cooperation* ‘сотрудничество внутри БРИКС’, *ally* ‘союзник’, *ideological alliance* ‘идеологический альянс’, *strategic partnership* ‘стратегическое партнерство’, *big boys’ club* ‘клуб больших мальчиков’ и др. На графике, представленном на рис. 3, видно, что основными акторами выступают государства, входящие в альянс БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка), президент России Владимир Путин, бывший президент ЮАР Джейкоб Зума и нынешний президент ЮАР Сирил Рамафоса.

Идея партнерства заложена уже в самой сути неформального объединения БРИКС, так как структурно данный сетевой формат отличается от союзов и альянсов, характеризующихся внешней направленностью, часто постулирующих идею гегемонии одного государства-члена подобного объединения, выступающих против многостороннего развития отношений между государствами. Характерной особенностью партнерства, реализуемого в рамках БРИКС, является его трансрегиональный характер, так как страны-участницы объединения расположены на разных континентах. Такое многофакторное равновесие актуализуется в образе России как союзнике Южной Африки, которая кардинальным образом отличается в географическом, климатическом, политическом и экономическом аспектах от других стран-членов БРИКС.

(1) *South Africa is Russia’s ally in BRICS, but lives in a different world* (IOL, June 26, 2016).

ЮАР, равно как и Россия, занимает особое место на мировой политической арене: у двух стран есть общее прошлое, давняя дружба с одними государствами и одновременно старые обиды и вновь возникшие противоречия с другими. В южноафриканской прессе образ России актуализируется

через общего союзника и важного политического игрока для Южной Африки и нашей страны — КНР (здесь следует отметить, что именно Китай инициировал присоединение ЮАР к БРИКС в 2011 г.). С другой стороны, ЮАР пытается сохранить хорошие отношения с европейскими странами, США и Великобританией, так называемыми «партнерами» России. Такая амбивалентность конструирует образ России как союзника ЮАР только в рамках БРИКС без упоминания разногласий нашей страны с теми странами Европы и с США, которых Южная Африка рассматривает как своих партнеров:

(2) *We're in the BRICS club with Russia and China on the one hand and, of course, we still consider Europe, America and the UK strong allies on the other* (BizNews, November 1, 2022).

Образ России в анализируемом материале не всегда представлен эксплицитно через описание специфических характеристик России. В имагологических эмпириках образ одной страны часто конструируется опосредованно: через репрезентацию образа другой страны (Южной Африки, государств-партнеров и оппонентов) и (или) межгосударственных взаимоотношений. Находим подтверждение сказанному в проанализированном материале:

(3) *In the first place we have our governing party subscribing to democracy and human rights. Here it evinces a noble ethos. However, we also have the same party avowing **friendship with our BRICS partners Russia and China** <...> Finally, *mirabile dictu*, we have these two powerful nations treating the Western concepts of democracy and human rights as not appropriate for them* (Business Live, 04.03.2023).

В данном примере Россия представлена как союзник ЮАР в защите демократических прав и свобод человека — общечеловеческих ценностей, которые разделяет большинство населения планеты, особенно в странах-членах БРИКС. Одновременно с этим Россия репрезентируется как страна, для которой не приемлемы западные либеральные ценности.

Южная Африка видит крепкого и надежного союзника в лице не только России, но и Китая, с которым ЮАР связывают отношения всеобъемлющего стратегического партнерства. Для Китая ЮАР — это своеобразные «ворота» в Африку, а Китай для Южной Африки — мощный драйвер экономического и технологического развития. Безусловно, российское экономическое присутствие в Африке по своим масштабам не может конкурировать с Китаем, но геополитическое влияние двух стран в регионе в целом и в ЮАР в частности имеет высокий уровень для обеих стран, что отражается на масс-медийном образе России:

(4) *The fifth driver is a misplaced notion that not only has there been a shift of global power eastward and towards other emerging countries, as represented by the Brics (Brazil, Russia, India, China and South Africa), but that China, principally, and Russia will now cover South Africa's political back* (Mail & Guardian, 9.02.2011).

Однако партнерство, особенно в межгосударственных взаимоотношениях, — это не просто гипотетический конструкт: отношения двух стран всегда персонализированы, а образ страны в иноязычном медиадискурсе безусловно репрезентирован через ее лидера. Не является исключением и анализируемый материал. Южноафриканские СМИ уделяют достаточное внимание личности российского президента, его роли в установлении добрососедских отношений между Южно-Африканской Республикой и Россией как непосредственно, так и в рамках БРИКС:

(5) *Forget, for a moment, though, that South Africa was already firmly in the Russian camp before the G20 summit, not only through their joint membership of Brics but also because of what seems to be a growing affinity between the Russian and South African governments and between **Zuma and the strongman Putin in particular*** (IOL, 13.09.2013).

Однако в отношениях ЮАР и России по-прежнему наблюдается дисбаланс политических и экономических сил, что стало наиболее очевидно после 2022 г. С одной стороны, Южная Африка занимает нейтральную позицию по украинскому вопросу, с другой стороны, лидеры республики не раз высказывали мнение о том, что только прямые переговоры между Россией и Украиной приведут к разрешению кризиса. Такая двойственная позиция ЮАР находит отражение и в южноафриканском масс-медийном дискурсе:

(6) *From a moral standpoint, South Africa **ought to have already condemned Russia's actions in Ukraine**. However, morality and foreign policy seldom meet as many of the same countries that have condemned Russia's attacks on Ukrainian civilians are silent when their strategic allies commit almost the exact same crimes. Moral hypocrisy in matters of conventional wars is nothing new and has been a perennial aspect of international relations since the advent of diplomacy* (Mail & Guardian, 23.09.2022).

Идеи единства усилий и взаимодействия между РФ и ЮАР поддерживаются метафорами сферы-источника «взаимоотношения»: *fellow BRICS states* ‘товарищи по БРИКС’, *our friends* ‘наши друзья’, *chosen friends in BRICS* ‘избранные друзья в БРИКС’, *our BRICS buddies* ‘приятели по БРИКС’, *South Africa's ties with the BRICS nations* ‘связи Южной Африки со странами БРИКС’, *close ties with Russia and China through BRICS* ‘тесные связи с Россией и Китаем в рамках БРИКС’ и др.:

(7) *What **company is South Africa keeping in the world? We are in the company of some of our chosen friends in BRICS — Brazil, Russia, India and China*** (Tech Financials, 26.07.16).

Показательно и закономерно в рамках фрейма «партнерство» частотное включение в контекст репрезентации отношений государств языковых единиц со значением совместности и общности, включающих существительные, глаголы, наречия, местоимения, предлоги, для акцентирования смыслов

единения и принадлежности к группе³: *cooperation, collaboration, partnership, unity, union; cooperate, collaborate, combine, join, share, unite; close, collectively, in concert, jointly, mutually, together; we, us, our; with*:

(8) *Russia stands for strengthening the BRICS countries' **partnership** in politics, the economy, culture and other areas. We are ready to continue **working jointly** with **our** colleagues to promote democracy and to strengthen the healthy elements of international relations based firmly on international law* (Daily Maverick, 14.08.2017).

В рамках фрейма «партнерство» в медиадискурсе ЮАР реализуются два прогностических субфрейма, репрезентированные доминирующими вариантами будущего: «прогресс» и «деградация». Перспективы сотрудничества России и Южно-Африканской Республики прежде всего связаны со взаимодействием двух государств в рамках международной экономической организации БРИКС, которая рассматривается не только как основной импульс в развитии двусторонних отношений, но и как важная платформа для укрепления солидарности стран глобального Юга. Будущее неразрывно связано с БРИКС; сам блок олицетворяет будущее международных отношений и мировой политики:

(9) *BRICS has become a welcome breath of fresh air. **BRICS is the future*** (Sunday Independent, 16.06.2024).

В русле положительного прогностического фрейма БРИКС концептуализируется как конструктивная сила, которая и в дальнейшем будет содействовать укреплению взаимовыгодного прогностического сотрудничества стран-участниц, совершенствованию глобального управления, продвижению демократизации международных отношений и росту мировой экономики. В приведенном контексте (10) направленность в будущее задается модальным глаголом *should* в значении ожидаемого (действия), которое произойдет с определенной долей вероятности, сопричастность, работа, сопряженная с преданностью организации, общему делу и достижением общей цели (благом всего человечества) — притяжательным местоимением первого лица множественного числа и предлогом *so* с значением совместного действия:

(10) *Russia is with SA in the BRICS, **this platform should also be our channel for global good*** (News 24, 20.09.2013).

Положительные прогнозы взаимовыгодного сотрудничества двух государств акцентируются стертыми ориентационными метафорами, представленными глагольными лексемами и отглагольными существительными с семантикой «расширения, повышения, углубления»: *deepen, enhance, enlarge, expand, extend, forge, heighten, intensify, strengthen* и др. Вполне закономерно, что в рамках данного прогностического субфрейма наиболее востребованы

³ В качестве иллюстративных примеров приводятся единицы, включенные в списки частотности, полученные в ходе обработки корпусным менеджером NOW.

метафоры сферы-источника «путь», поскольку прогресс подразумевает поступательное движение вперед:

(11) *We are already working on **enhancing our media cooperation and collaboration with the member states in BRICS, especially Russia**, so that our media houses can share content and technologies to reflect the achievements of the grouping, which is **marching towards shared prosperity*** (Daily Maverick, 19.05.2016).

В контексте (12) метафоры пути моделируют образ российско-южноафриканских отношений и заинтересованность российской стороны в сотрудничестве: *a two-way street* ‘улица с двусторонним движением’ предполагает уважение к партнеру, учет интересов союзной силы, выполнение взятых на себя обязательств, выгодный для всех участников альянс. Прогностический фрейм реализуется за счет включения в контекст единиц *catch up* ‘догонять’, *springboard* ‘трамплин’, репрезентирующих «скорость» развития отношений между государствами: Южной Африкой и РФ, блока БРИКС в целом, притягивающего все больше единомышленников, стремительные достижения Россией новых целей и высот и усилия государства, в том числе по объединению сторонников, которые разделяют принципиальные установки, лежащие в основе деятельности организации (примером могут служить Египет и Эфиопия, вошедшие в БРИКС в 2024 г.):

(13) *There is political will in Russia to forge closer relations with Africa, but Africa should also reciprocate. Many things depend not only on our politics or Kremlin politics, **it's a two-way street**. We see a willingness from the partners **to catch up** and to seek new opportunities for mutually beneficial co-operation for partnership. South Africa is one of those partners by virtue of being part of the BRICS bloc, which also offers Russia a **springboard** to the rest of the African continent* (Mail & Guardian, 21.05.2021).

В рамках негативного прогностического фрейма «деградация» те же идеи получают критическую интерпретацию и оформляются метафорами с отрицательным оценочным потенциалом:

(12) *The perfect time for BRICS to rethink collaboration. Today **BRICS is a pitiful caricature of what was once an emancipatory project*** (Times Live, 26.09.2021);

(14) *Russia sees SA as prey* (Daily Maverick, 08.10.2018).

Наличие негативного прогностического фрейма в медиадискурсе ЮАР вполне логично, поскольку задача любого прогноза состоит в определении оптимального пути к достижению поставленной цели. Это означает обратную экстраполяцию тенденций из условного будущего в настоящее для выявления альтернативных путей достижения наилучшего варианта. Одна из альтернатив всегда представлена негативным вариантом развития событий, учитывающим все или большинство имеющихся рисков.

Заключение

Проведенный в настоящем исследовании анализ фреймовой и метафорической репрезентации образа России в южноафриканском масс-медийном дискурсе подтверждает востребованность в лингвистических исследованиях инструментов и технологий смежных наук: программное обеспечение, сетевой анализ, графовая визуализация. Применение такого комплекса методов и методик, во-первых, дает возможность лингвисту изучить и описать наблюдаемые явления не постфактум, а в момент функционирования в рамках того или иного социально-культурного сообщества; во-вторых, ученый имеет в руках инструмент выявления закономерностей, детерминированных широким историческим и экстралингвистическим контекстом; наконец, визуальное представление облегчает процесс восприятия языковых данных. Преимущества указанных инструментов наиболее ощутимы при моделировании такого сложного конструкта как образ того или иного государства в иноязычном дискурсе.

Образ России был подробно изучен при его формировании и трансляции в дискурсе славянских, западных и восточных стран, но лингвисты не обращались к анализу функционирования образа нашей страны в южноафриканских средствах массовой информации. Однако совместная деятельность двух государств в рамках БРИКС является дополнительным импульсом к проведению такого рода изысканий. Южная Африка — самобытная и уникальная страна, политическое и торгово-экономическое сотрудничество с которой зависит не только от государственных лидеров, но и от представителей четвертой власти, которые в современном мире формируют информационную повестку дня.

Теория фрейминга позволяет изучить и представить влияние СМИ на общество. В настоящем исследовании выделены диагностические и прогностические фреймы, которые отличаются по целям и используемым средствам для представления реальной или прогнозируемой ситуации. Прагматический потенциал масс-медийных текстов при репрезентации образа России в южноафриканских СМИ изучен с привлечением теории метафорического моделирования и когнитивно-дискурсивного анализа. В проанализированном материале описаны самые частотные фреймы: диагностический фрейм «партнерство» и два прогностических субфрейма «прогресс» и «деградация». Диагностический фрейм «партнерство» представлен лексическими единицами с значениями сотрудничества и совместности, а также метафорами со сферой-источником «взаимоотношения». Прогностический субфрейм «прогресс» репрезентирован лексическими единицами с семантикой расширения, повышения, углубления и метафорами со сферой-источником «путь», так как прогресс всегда синонимичен поступательному движению вперед. Прогностический субфрейм «деградация» оформлен в анализируемом материале метафорами с отрицательным прагматическим потенциалом.

Проведенное исследование фреймовой и метафорической репрезентации образа России в южноафриканском масс-медийном дискурсе позволило выявить отличительную особенность конструирования представления о нашей стране: в средствах массовой информации ЮАР образ России преимущественно описан не непосредственно через представление конкретных фактов и событий, происходящих в России, а через межгосударственные отношения и деятельность нашей страны в рамках БРИКС. Такой факт вполне объясним: для Южно-Африканской Республики объединение БРИКС является новой вехой во внутри- и внешнеполитическом развитии страны, и именно этот вектор является доминирующим в восприятии остального мира. Лингвистическое изучение образа России зависит от точной настройки исследовательской оптики и должно проводиться с опорой на исторические события и реалии сегодняшнего дня. К возможным перспективам исследования мы относим анализ других диагностических и прогностических фреймов в масс-медийном дискурсе и официальном дискурсе ЮАР, сопоставительное изучение этих двух типов институциональной коммуникации с целью выявления общих и уникальных черт представления образа России.

Список литературы

1. *Игнатов А.А.* Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше новых механизмов и меньше конкретных решений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 89–99. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99> EDN: UNCERJ
2. *Штильмарк Р.А.* Образы России. М. : Молодая гвардия, 1967.
3. *Земсков В.Б.* Образ России в современном мире и иные сюжеты. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015.
4. Образ России в международном образовательном дискурсе: лингвокогнитивный и лингводидактический аспекты: коллективная монография. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2019. EDN: CJJWNQ
5. *Шестак Л.А.* Образы: когнитивный механизм, поэтика, семиосфера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 51–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63> EDN: EWFLKE
6. *Буянов В.С.* Очерки о России: власть, политика, идентичность. М. : МАКС Пресс, 2020. EDN: DTAJSY
7. *Ващенко М.С.* Образ России в публицистике Анте Старчевича // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М. : Институт славяноведения РАН, 2012. С. 50–61. EDN: QKTQTS
8. *Дрознина Т., Мавродицева И.* Образ России в средствах массовой информации Болгарии // Вестник Евразии. 2008. № 1. С. 52–74. EDN: JZBYBJ
9. *Кунич З., Музыкант В.Л., Панасенко Н.* Особенности формирования имиджа России на медиаплатформах Сербии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 1. С. 171–188. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-171-188> EDN: UCPAYY
10. *Зарипов Р.И.* Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе. М. : Р. Валент, 2016. EDN: WGZAXX

11. Громыко А.А. Образы России и Великобритании. М. : Ин-т Европы РАН, Русский сувенир, 2008.
12. Черкасова Е.Г. Образ России в Испании и российско-испанские отношения на современном этапе // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 2. С. 177–197. EDN: TUDMUF
13. Колесова Е.В., Голоусова Е.С. Образ России в немецких СМИ // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 4. С. 50–61. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.4.065> EDN: KGVGTM
14. Solopova O.A., Nilsen D., Nilsen A. The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse // Russian Journal of Linguistics. 2023. № 27(3). P. 521–542. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048> EDN: LDUKRP
15. Тен Н. От Пушкина до Путина: образ России в современном Китае (1991–2010). М. : Новое литературное обозрение, 2016.
16. Жэнь Ж. «Боевая нация» — национальный образ России в Китае // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 127–132. <https://doi.org/10.31857/S013216250026590-2>
17. Кошкарлова Н.Н., Мукушев И.О. Образ России в китайских СМИ // Политическая лингвистика. 2021. № 3(87). С. 87–100. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_08 EDN: VNLVGT
18. Загородникова Т.Н., Кашин В.П., Шаумян Т.Л. Образ России в общественном сознании Индии: прошлое и настоящее. М. : Наука, 2011.
19. Сулейман Р.А. Медиаобраз России в информационных программах сирийского телевидения // Наука и школа. 2024. № 2. С. 51–63. <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-2-51-63> EDN: QAWXGG
20. Грабельников А.А., Нгуен Тхи Зуу. Образ России во вьетнамских сетевых СМИ // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 114–127. EDN: ZGZKRV
21. Норовсамбуу Хишигт. Образ России и россиян в Монголии: историческая память и современность // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. Т. 10. № 5(33). С. 11–20. <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-11-20> EDN: RQIRLF
22. Цецхладзе Л.Т. Образ России в корейских СМИ (на примере информационного агентства «Йонхап») // Медиасреда. 2017. № 12. С. 296–302. EDN: ZGIFUF
23. Рябченко Н.А., Гнедаш А.А., Малышева О.П., Катермина В.В. Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г.? // Политическая наука. 2021. № 4. С. 135–160. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.04.06> EDN: NRM MID
24. Рябченко Н.А., Малышева О.П. Кросс-региональный анализ настроений пользователей сетевых сообществ ВКонтакте «Типичный Краснодар» и «Типичный Кемерово» // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 4. С. 215–220. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2022-1-4-215-220> EDN: GBQCLL
25. Tesnière L. Elements of structural syntax. Amsterdam & Philadelphia, PA : John Benjamins, 2015.
26. Chomsky N., Lightfoot D.W. Syntactic Structures. Berlin. New York : Mouton de Gruyter, 2002.
27. Godefroidt A., Berbers A., d’Haenens L. What’s in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles. The International Communication Gazette. 2016. Vol. 78. № 8. P. 777–801. <https://doi.org/10.1177/1748048516640482>
28. Solopova O.A., Kushneruk S.L. War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse. Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. P. 723–745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745> EDN: NWGBAL
29. Teun A. van Dijk. Text and Context Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London : Longman, 1977.

30. Baldwin van Gorp. Where is the frame? Victims and intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. *European Journal of Communication*. 2005. Vol. 20. № 4. P. 484–507. <https://doi.org/10.1080/02703149.2011.591676>
31. Ireri K., Chege N., Kibarabara J., Don Bosco O. Frame analysis: Newspaper coverage of Kenya's oil exploration in the post-2012 discovery era // *African Journalism Studies*. 2019. Vol. 40. № 2. P. 34–50. <https://doi.org/10.1080/23743670.2019.1635035>
32. Филаткина Г.С., Вьюгина Д.М., Бабына Д.А. Установление повестки дня и теория фрейминга: обзор романо-германских исследований // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2022. Т. 11. № 3. С. 473–488. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\)EDN: AFODUT](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3)EDN: AFODUT)
33. Солопова О.А., Чуудинов А.П. Методология диахронического исследования метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование // *Вестник Московского государственного университета. Филология*. 2021. № 2. С. 49–59. EDN: UIVVEQ
34. Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н. Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны) // *Научный диалог*. 2021. № 4. С. 148–167. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-148-167> EDN: LPFHZK
35. Zibin A., Solopova O.A. Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda // *Russian Journal of Linguistics*. 2024. Vol. 28. № 1. P. 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837> EDN: LRWDXE

References

1. Ignatov, A.A. (2019). BRICS Summit in Johannesburg: More Instruments and Fewer Decisions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(1), 89–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99> EDN: UNCERJ
2. Shtilmark, R.A. (1967). *Images of Russia*. Moscow: Molodaja gvardija. (In Russ.).
3. Zemskov, V.B. (2015). *The image of Russia in the modern world and other topics*. Moscow; Saint Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives; Gnosis. (In Russ.).
4. The image of Russia in international educational discourse: linguocognitive and linguodidactic aspects (2019). Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University publ. (In Russ.). EDN: CJJWNQ
5. Shestak, L.A. (2024). Images: Cognitive Mechanism, Poetics, Semiosphere. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(1), 51–63. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-1-51-63> (In Russ.). EDN: EWFLKE
6. Buyanov, V.S. (2020). *Essays about Russia: power, politics, identity*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.). EDN: DTAJSY
7. Vashchenko, M.S. (2012). The image of Russia in the journalism of Ante Starchevich. In: Bogolyubov G.V. et al. (eds.), *The Slavic world in the third millennium. The image of Russia in Slavic countries* (pp. 50–61). Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences publ. (In Russ.). EDN: QKTQTS
8. Droznina, T., & Mavrodieva, I. (2008). The image of Russia in Bulgarian media. *Acta Eurasica*, (1), 52–74. (In Russ.). EDN: JZBYBJ
9. Kunich, Z., Muzykant, V.L., & Panasenko, N. (2022). Formational features of the image of Russia on the Serbian Media Platforms. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 27(1), 171–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2022-27-1-171-18810> EDN: UCPAYY
10. Zaripov, R.I. (2016). *Russia's Image Metaphorical Modeling in French Modern Political Discourse*. Moscow: R. Valent. (In Russ.). EDN: WGZAXX
11. Gromyko, A.A. (2008). *Images of Russia and Great Britain*. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Russian Souvenir. (In Russ.).
12. Cherkasova, E.G. (2015). The image of Russia in Spain and Russian-Spanish relations at the present time. *Current Problems of Europe*, (2), 177–197. (In Russ.). EDN: TUDMUF

13. Kolesova, E.V., & Golousova, E.S. (2023). The image of Russia in the German media (Following the Example Deutsche Welle, Der Spiegel, Die Zeit). *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 29(4), 50–61. <https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.4.065> (In Russ.). EDN: KGVGTM
14. Solopova, O.A., Nilsen, D., & Nilsen, A. (2023). The image of Russia through animal metaphors: A diachronic case study of American media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 27(3), 521–542. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-35048> EDN: LDUKRP
15. Ten, N. (2016). *From Pushkin to Putin: The image of Russia in modern China (1991–2010)*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.).
16. Ren, R. (2023). “Fighting nation” — national image of Russia in China. *Sociological Studies*, (7), 127–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S013216250026590-2>
17. Koshkarova, N.N., & Mukushev, I.O. (2021). Russia’s image in Chinese mass-media. *Political Linguistics*, 3(87), 87–100. (In Russ.). (In Russ.). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_03_08 EDN: VNLVGT
18. Zagorodnikova, T.N., Kashin, V.P., & Shaumjan, T.L. (2011). *The image of Russia in the public consciousness of India: past and present*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
19. Suleiman, R.A. (2024). Media image of Russia in information programs of Syrian television. *Nauka i shkola*, (2), 51–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2024-2-51-63> EDN: QAWXGG
20. Grabelnikov, A.A., & Nguen, Thi Ziu. (2017). Image of Russia in Web media of Vietnam. *Social and humanitarian knowledge*, (8), 114–127. (In Russ.). EDN: ZGZKRV
21. Norovsambuu, Hishigt (2017). Images of Russia and Russians in Mongolia: historical memory and modernity. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 10 (5(33)), 11–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.22162/2075-7794-2017-33-5-11-20> EDN: RQIRLF
22. Cechladze, L.T. (2017). The image of Russia in the Korean media (on the example of the Yonhap news agency). *Mediasreda*, (12), 296–302. (In Russ.). EDN: ZGIFUF
23. Ryabchenko, N.A., Gnedash, A.A., Malysheva, O.P. & Katermina, V.V. (2021). Managing political content in the online space of modern states: How twitter prevented D. Trump from winning the 2020 presidential election? *Political Science*, (4), 135–160. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06> (In Russ.). EDN: NRMMD
24. Ryabchenko, N.A., & Malysheva, O.P. (2022). Cross-regional sentiment analysis of VKontakte communities: Typical Krasnodar vs. typical Kemerovo. *Virtual Communication and Social Networks*, 1(4), 215–220. (In Russ.). <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2022-1-4-215-220> EDN: GBQCLL
25. Tesnière, L. (2015). *Elements of structural syntax*. Amsterdam & Philadelphia, PA: John Benjamins.
26. Chomsky, N. & Lightfoot, D.W. (2002). *Syntactic Structures*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
27. Godefroidt, A., Berbers, A., & d’Haenens, L. (2016). What’s in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles. *The International Communication Gazette*, 78(8), 777–801. <https://doi.org/10.1177/1748048516640482>
28. Solopova, O.A., & Kushneruk, S.L. (2021). War yesterday and today: The image of Russia in British media discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 25(3), 723–745. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-723-745> EDN: NWGBAL
29. Dijk, T.A. van (1977). *Text and context exploration in the semantics and pragmatics of discourse*. London: Longman.
30. van Gorp, B. (2005). Where is the frame? Victims and intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. *European Journal of Communication*, 20(4), 484–507. <https://doi.org/10.1080/02703149.2011.591676>
31. Ireri, K., Chege, N., Kibarabara, J., & Don Bosco, O. (2019). Frame analysis: Newspaper coverage of Kenya’s oil exploration in the post-2012 discovery era. *African Journalism Studies*, 40(2), 34–50. <https://doi.org/10.1080/23743670.2019.1635035>

32. Filatkina, G.S., V'jugina, D.M., & Babyna, D.A. (2022). Agenda setting and framing theory: the review of Romano-Germanic Studies. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 11(3), 473–488. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(3\)](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(3)) EDN: AFODUT
33. Solopova, O.A., & Chudinov, A.P. (2021). Methodology of diachronic metaphor research in the digital age: practical experience. *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*, (2), 49–59. (In Russ.). EDN: UIVVEQ
34. Solopova, O.A., & Koshkarova, N.N. (2021). Religion as Source Domain of Metaphors in World War II Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, (4), 148–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-4-148-167> EDN: LPFHZK
35. Zibin, A., & Solopova, O.A. (2024). Metaphors across languages, cultures and discourses: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 28(1), 7–32. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-37837> EDN: LRWDXE

Сведения об авторах:

Солопова Ольга Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода института лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76); *сфера научных интересов*: лингвополитическая прогностика, метафорология, дискурсология, диахроническая лингвистика; *e-mail*: o-solopova@bk.ru
ORCID: 0000-0003-4170-7267, SPIN-код: 6589-5366, AuthorID: 512712.

Кошкарлова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент профессор кафедры международных отношений, политологии и регионоведения института лингвистики и международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, Российская Федерация, г. Челябинск, пр. Ленина, д. 76); *сфера научных интересов*: дискурсивные исследования, теория речевых актов, политический дискурс; *e-mail*: nkoshka@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8861-0353, SPIN-код: 3844-0536, AuthorID: 355000.

Information about the authors:

Olga A. Solopova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Translation at the Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University) (76, Lenina Av., Chelyabinsk, Russian Federation, 454080); *Research interests*: metaphor studies, discourse analysis, diachronic linguistics, linguistic political prognostics; *e-mail*: o-solopova@bk.ru
ORCID: 0000-0003-4170-7267, SPIN-code: 6589-5366, AuthorID: 512712.

Natalya N. Koshkarova, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, Professor at the Institute of Linguistics and International Communications, South Ural State University (National Research University) (76, Lenina Av., Chelyabinsk, Russian Federation, 454080); *Research interests*: interests include discourse studies, speech acts theory and political discourse; *e-mail*: nkoshka@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-8861-0353, SPIN-code: 3844-0536, AuthorID: 355000.